

Святослав Логинов

Машенька

*Часть сборника
Мёд жизни (сборник)*

Святослав Логинов

Машенька

«Автор»

1990

Логинов С. В.

Машенька / С. В. Логинов — «Автор», 1990

«Марина Сергеевна подклеила заговорённый пупок кусочком лейкопластыря, устало распрямилась, улыбнулась младенцу и пальцем пощекотала ему круглый мяконецкий животик. Ребёнок приоткрыл сонные глазки и довольно вякнул.— Всё в порядке, — сказала Марина Сергеевна, — через два дня снимете пластырь, пупочек к этому времени подживёт, грыжки тоже не будет. Но на всякий случай следите, чтобы пацан поменьше плакал. А то мы у мамы голосистые...— Спасибо вам огромное, — говорила женщина, ловко пеленая мальчика, который, как это всегда бывает после заговора, уже спал. — Мы уж просто не знали, что и делать, ни один врач не помогал, на операцию хотели класть, такого махонького... — женщина всхлипнула, — да вот научили люди к вам обратиться... Спасибо...»

© Логинов С. В., 1990

© Автор, 1990

Святослав Логинов

Машенька

Марина Сергеевна подклеила заговорённый пупок кусочком лейкопластыря, устало распрямилась, улыбнулась младенцу и пальцем пощекотала ему круглый мяконец животик. Ребёнок приоткрыл сонные глазки и довольно вякнул.

– Всё в порядке, – сказала Марина Сергеевна, – через два дня снимете пластырь, пупочек к этому времени подживёт, грыжки тоже не будет. Но на всякий случай следите, чтобы пацан поменьше плакал. А то мы у мамки голосистые...

– Спасибо вам огромное, – говорила женщина, ловко пеленая мальчика, который, как это всегда бывает после заговора, уже спал. – Мы уж просто не знали, что и делать, ни один врач не помогал, на операцию хотели класть, такого махонького... – женщина всхлипнула, – да вот научили люди к вам обратиться... Спасибо...

Она полезла в сумочку, достала приготовленный конвертик, протянула его Марине Сергеевне.

– Не надо, – тихо сказала та. – Это был совсем простой случай, я за такие деньги не беру. Вы только другим не говорите, а то ведь со стороны один заговор от другого не отличить.

– Может, всё-таки возьмёте? – робко предложила гостя. – Вы так нам помогли.

– Говорят, не надо! – Марина Сергеевна чуть не силком засунула конверт обратно в сумочку и пошла провожать гостю.

Вообще-то заговор был очень трудным, но Марина Сергеевна обладала невыгодной для себя способностью болезненно чувствовать, когда предлагаемые деньги шли от избытка, а когда это оказывались с трудом выцарапанные у нужды рубли. В последнем случае взять деньги казалось попросту невозможным. К сожалению, семьи с маленькими детьми редко могли похвастаться материальным достатком.

Оставшись одна, Марина Сергеевна прошла на кухню, села, прижалась лбом к холодному пластику стола.

Скрипнула дверь, на кухне появилась мать. Остановилась в дверях, пожевала губами, ворчливо спросила:

– Опять не взяла?

– Оставьте, мамаша! – зло ответила Марина Сергеевна. – Не ваше это дело!

Мать исчезла, слышно было только, как двигает она по комнате стулья, ненужной деятельностью заглушая бессильный гнев. А Марине Сергеевне словно бы полегчало после того, как она выговорила отвратительное словцо «мамаша». Слово это было ненавистно ей с детства, ведь именно так мать называла бабушку.

Бабушка жила в своём доме в лесу, или, как говорили в деревне, «на хуторке», но довольно часто появлялась в городской квартире, навещала дочь и внучку. Это всегда случалось как-то вдруг. Неожиданно маленькую Маришку охватывала дрожащая нетерпеливая радость, и она, ещё ничего не слыша, мчалась открывать дверь. Очевидно, мать тоже что-то чувствовала, потому что резко мрачнела и шипела сквозь зубы:

– Припёрлась, ведьма!..

Бабушка, задыхаясь от усталости, показывалась на лестничной площадке внизу, Маришка, перепрыгивая через ступеньки, с визгом мчалась ей навстречу, повисала на шее, звонко целовала дряблую старушечью щёку.

– И чего вам, мамаша, дома не сидится? – приветствовала бабушку мать.

– Ох, жаланная, – нараспев говорила бабушка, словно не замечая хмурого лица, – другой бы раз и сама рада дома посидеть, да люди не дают. Всем до старухи дело есть. Вот и этот, уж

так жалился, так просил, на «Волге», говорит, от порога до порога доставлю. Я и согласилась, а потом, грешным делом, думаю, дай-ко заеду к родной дочери, да и с Машенькой повидаться...

– Мамаша! – возглашала мать. – Сколько раз вам говорить, что девочку зовут Мариной!

– Это для тебя она Марина, а для меня – Машенька, – отмахивалась бабушка.

Она проходила на кухню, усаживалась на табурете, долго разматывала тяжёлые, домашней работы шерстяные платки. Пила жиденький материнский чай. Всё это время Маришка ни на шаг не отходила от бабушки, преданно заглядывала в побуревшее от солнца и ветра лицо; ткнувшись мордашкой, вдыхала далёкий деревенский аромат, который хранила бабушкина кофта. Баюкала в ладошках, а потом прятала до завтра привезённую в подарок плюшку, вкусно хрустящую и пахнущую русской печкой. Бабушка запускала корявые пальцы в волосы девочки, ласково трепала её и тихонько отвечала на незаданный вопрос:

– Ничего, Машенька, лето скоро.

Мать злилась на бабушкины визиты, однако охотно принимала от неё сиреневые четвертные билеты, полученные от благодарных бабушкиных пациентов, и приговаривала:

– И то дело, мамаша, куда они вам? В могилу с собой не возьмёте.

Но потом бабушка тяжело поднималась, говорила:

– Однако пора. Как бы к поезду не опоздать, – и начинала одеваться, наворачивать на голову и грудь широченные, с простыню, вязанные платки, на глазах превращалась в бесформенную толстую куклу. Целовала сникшую Маришку, утешала: – Ничего, жалостная ты моя, перемелется... – и уходила.

И праздник гас.

– Ну что ты к ней липнешь? – постоянно сердилась мать. – Тоже, нашла подружку! Ведьма, она ведьма и есть. На неё взглянуть-то страшно, ночью с такой встретишься, так умереть можно с перепугу. Лицо корявое, глаза красные, во рту полтора зуба. Баба-Яга, да и только!

Маришка вспоминала морщинистое бабушкино лицо и убеждённо говорила:

– Бабушка красивая.

– Испортит девчонку! – сокрушалась мать. – Хватит, больше в деревню не поедешь!

Но подходило лето, и мать забывала о своём решении. Она была уже немолодой, но ещё очень красивой женщиной, и, конечно же, у неё была своя жизнь, которой страшно мешало присутствие большой дочки. Все каникулы от первого до последнего дня Маришка проводила на хуторке.

Там всё было непохоже на город, и радостные чудеса начинались ещё в пути. От станции до деревни вела грунтовая, плотно убитая дорога. Было в ней семь километров, но километров немереных, которые хотелось называть вёрстами. За деревней кончались последние привычные человеческие приметы: радио, телевизор, электричество; впереди оставался лес, непролазное моховое болото с колышавшимся под ногами клюквенником, и мимо всех этих чудес озорно извивалась тропка, приводившая к бабушкиному дому.

От старости дом осел, глядел подслеповато пыльными оконцами бесчисленных чуланчиков, дворовая крыша завалилась. Казалось, он вырос здесь из сосновых корней, такой же прихотливый, как они, и живёт своей жизнью, переплётшейся с жизнью леса.

В доме Маришку встречал сладкий запах сухой травы, неповторимый, как всё у бабушки. Пучки трав висели повсюду: в чуланчиках; на низком чердаке, где можно пройти лишь пригнувшись; даже в хлеву, пустовавшем с довоенных времён, но всё же сохранявшем неистребимый коровий дух.

Трав не было только в единственной жилой комнате, которую бабушка величала горницей. Половину горницы занимала печь, её чёрное нутро обещало прелести великолепных бабушкиных обедов. Самодельный стол помещался напротив божницы, откуда строго смотрели одетые в фольгу лики, по обеим сторонам стола на приличном от него расстоянии распо-

лагались два гнутоногих стула, ещё в восемнадцатом году вынесенных из разоряемой усадьбы. Высокая парадная кровать, крытая плетёными наволоками, разбиралась лишь в дни Мариш-киных приездов, когда бабушка уступала ей заветное место на печке.

В деревне бабушку любили, в нужде и скорбности всегда обращались к ней, хотя заглазно называли и ведьмой, и Бабой-Ягой. Старуха знала о том, но не обижалась.

Зимой избушку заносило снегом, сугроб на крыше почти смыкался с выюжным намётом у стены, в горнице было постоянно темно, тени плясали от горящей в светце лучины, изогнутые угольки чёрными змейками падали в медный тазик, подставленный снизу. Бабушка, сидя у огонька, либо пряла, если кто-нибудь из деревенских просил помочь управиться с шерстью, либо перебирала хрусткие травяные венички; нараспев, словно давно заученное, рассказывала:

– Есть трава Смык, растёт бела, а ина желта, ростом в иглу. Добра она, ежели который человек не смыслен. Ту траву потопи в вине и в ухо пусти, травую его парь и в молоке хлебай. Бог поможет...

Летом избушка волшебюо менялась. Нетоптанные лесные цветы заглядывали по утрам в окошко, маленький огородик за домом кудрявился всяким овощем, лес подступал словно бы ближе, даже сам дом начинал зеленеть: крыша покрывалась тонким мохом, на завалинках вырастала трава. Бабушка тоже менялась: ходила быстрее, веселей говорила, рассказы её становились понятнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.